

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-180-133-141
УДК 93/94

Солдатские дети как успешный проект формирования резерва комплектования русской армии в первой половине XIX века

Евгений Юрьевич НЕВЗОРОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>, e-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Soldiers' children as a successful project of the Russian army recruitment reserve formation in the first half of the 19th century

Evgeniy Y. NEVZOROV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>, e-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности формирования резерва пополнения русской армии за счет солдатских детей в XIX веке. Выявлены историко-правовые аспекты социально-сословного статуса потомков представителей «военного сословия»: солдатских детей, рекрутов из солдатских детей. Рожденные в семьях рекрутов и нижних чинов в период службы в российской армии либо у отставных, бессрочно-отпускных солдат и военных инвалидов, солдатские дети имели особые социально-правовые позиции в сословной структуре российского общества, которые специально регламентировались в законодательстве и правоприменительной практике в столицах, так и в провинции Российской империи в XIX веке. Привлечение достаточно широкого круга архивных источников и опубликованных материалов позволило провести реконструкцию как имевшейся правовой регламентации, так и собственно социальных параметров «военного потомства» в вооруженных силах. Выявлены аспекты образования и воспитания военных кантонистов в специальных военно-учебных заведениях и аналогичных военных подразделениях (военно-сиротских отделениях, учебных батальонах и ротах, карабинерных полках), отраженные в первичных архивных документах и законодательных актах, социально-правовые, сословно-бытовые коллизии и тенденции, которые определяли жизнь и судьбу «военных детей». Были уточнены статистические погрешности при подсчете представителей военного сословия – солдатских детей – в российской провинции. Дана подробная историографическая оценка изучения правового положения кантонистов и рекрутов из солдатских детей, а также выявлены исследовательские лакуны в работах отечественных и зарубежных историков. Сделаны выводы о перспективности изучения данной научной проблемы отечественными историками, а также наличии первичных архивных документов, которые ждут введения в научный оборот. Доказано, что категория «солдатские дети» являлась важнейшим компонентом формирования боеспособности российских вооруженных сил, позволяя готовить серьезный резерв. Выявлены перспективы трансформации кантонистов в профессиональных солдат, а также их роли в военной истории Российской империи рассматриваемого хронологического периода.

Ключевые слова: кантонисты; русская армия; военное сословие; солдатские дети; солдатка; военное министерство; кантонисты из рекрутских детей; военно-сиротские заведения; солдатские школы; гарнизонные школы

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494.

Для цитирования: *Невзоров Е.Ю.* Солдатские дети как успешный проект формирования резерва комплектования русской армии в первой половине XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 180. С. 133-141. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-180-133-141

Abstract. We describe the features of the reserve replenishment formation of the Russian army at the expense of soldiers' children in the 19th century. We reveal the historical and legal aspects of the social and class status of the "military class" representatives descendants: soldiers' children, recruits of soldiers' children. Born in the recruits families and lower ranks during the service period in the Russian army, either retired, soldiers on indefinite leave and disabled veterans, the soldiers' children had a special social and legal position in the class structure of Russian society, which are specifically regulated, as the legislative and enforcement practices in the capitals and provinces in the Russian Empire in the 19th century. The involvement of a fairly wide range of archival sources and published materials allowed to conduct the reconstruction of both the existing legal regulation and the actual social parameters of the "military offspring" in the armed forces. We also reveal the aspects of education of military cantonists in special military educational institutions and similar military units (military orphan units, training battalions and companies, carabinieri regiments) reflected in the primary archival documents and legislative acts, social and legal, class and everyday conflicts and trends that determined the life and fate of "military children". We clarify statistical errors in the calculation of the military class representatives – soldiers' children – in the Russian province. We give a detailed historiographical study assessment of the legal status of cantonists and recruits of soldiers' children, as well as identifying research gaps in the works of domestic and foreign historians. We made conclusions about the prospects of the scientific problems study by domestic historians, as well as the presence of primary archival documents that need to be introduced into scientific circulation. It is proved that the category of "soldiers' children" was the most important component of the Russian armed forces combat capability formation, allowing to prepare a significant reserve. We also show the prospects of the cantonists transformation into professional soldiers, as well as their role in the military history of the Russian Empire in the considered chronological period.

Keywords: cantonists; Russian army; military class; soldiers' children; soldier's wife; War Office; cantonists of recruit's children; military institutions for orphans; soldiers' schools, garrison schools

Acknowledgments: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00494.

For citation: Nevzorov E.Y. Soldatskiye deti kak uspeshnyy proyekt formirovaniya rezerva komplektovaniya russkoy armii v pervoy polovine XIX veka [Soldiers' children as a successful project of the Russian army recruitment reserve formation in the first half of the 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 180, pp. 133-141. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-180-133-141 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Солдатские дети являлись особой категорией представителей военного сословия в XIX веке, но именно эти дети и подростки значились «лакомым» кусочком, за который активно боролись государство в лице Военного министерства, помещики и, собственно, самые заинтересованные в будущем своих деток – матери-солдатки. Удивительно, но противостояние с государственными институтами было нередко успешным и для помещиков, и для солдатских жен. Если первые боролись за сохранение своей собственности и имущества, то вторые отдавали все свои силы и использовали все имеющиеся возможности за спасение мальчиков, у которых был только один путь, очерченный законами Российской империи, – это призыв в армию.

О солдатских детях – кантонистах – можно действительно говорить как о наиболее пострадавших от произвола и насилия

военных и гражданских властей малолетних подданных Российской империи в первой половине XIX века [1]. Особенно негативные оценки фактического изъятия солдатского потомства из семьи и почти взрослого «призыва» в учебно-воспитательные заведения при вооруженных силах касаются еврейского населения, содержащиеся в работах современных историков [2]. Однако лишь в фундаментальном исследовании Й. Петровского-Штерна указывается на удивительный и положительный опыт интеграции еврейских детей в русскую армию [3, с. 113]. Между тем именно солдатские дети в целом, и кантонисты в частности, играли выдающуюся роль в создании резерва комплектования русской армии, а также являлись прообразом или предтечей профессиональных вооруженных сил.

В дореволюционный период выходили специальные исследования по истории комплектования русской армии [4], вооруженных сил Российской империи [5], военного управления [6], кодификации русского военного законодательства [7], мобилизации русской армии в XIX веке [8].

Необходимо также выделить добротные монографические исследования советского периода П.А. Зайончковского [9], Л.Г. Бескровного [10–11], А.В. Федорова [12].

Среди отечественных историков, специально занимавшихся проблемами развития института военных кантонистов, выделим работы В.К. Ячменихина [13], К.М. Ячменихина [14], П.П. Щербинина [15]. Из зарубежных исследований необходимо отметить работу Э.К. Виртшафтер [16], а также добротные монографические исследования по истории русской армии и формированию резервов [17], в том числе и о призыве военных кантонистов (работы Д. Байрау [18], Д. Кипа [19] и др.).

Реконструкция доминирующего влияния подготовки военных специалистов при опоре на военных кантонистов показала ее эффективность и результативность, что стало возможным на основе привлечения широкого, системного круга первичных архивных источников и опубликованных материалов [20]. Нами были обработаны не только документы Государственного архива Тамбовской области, но также статистические сборники [21], правовые источники¹, военно-статистические обзоры², мемуары [22] и другие доступные для анализа материалы.

В плане постановки вопросов для исследования необходимо выделить следующие разделы:

1) как формировался и каким образом развивался институт военных кантонистов в Российской империи в XVIII–XIX вв.?

2) что произошло с солдатскими детьми после прекращения их призыва в военно-сиротские учреждения и после ликвидации батальонов военных кантонистов?

¹ Свод постановлений о солдатских детях. Спб., 1848. 188 с.

² Военно-статистическое описание района Тамбовской местной бригады (губернии: Рязанская, Тамбовская, Воронежская). М., 1897.

3) насколько важную роль играли этнический и конфессиональные факторы при призыве кантонистов?

4) сильно ли различались статусы и положение солдатских детей в столичных и провинциальных военно-учебных заведениях?

5) являлся ли решающим сословный принцип комплектования вооруженных сил в России или же его дополняли другие, не менее успешные проекты формирования кадрового резерва и возможностей пополнения войск грамотными, дисциплинированными военнослужащими?

6) кто такие «рекруты из солдатских детей» и чем отличалось их положение от «обычных» кантонистов?

Ответы на эти вопросы позволяют провести серьезную и системную реконструкцию развития социально-правового статуса солдатских детей, особенностей их подготовки по военно-прикладным направлениям.

Склонный к рациональному и системному управлению всеми сферами государственной жизни Николай I осознал, что военные поселения, существовавшие в Российской империи, не уничтожили и не заменили рекрутские наборы, которые были весьма тягостны и затруднительны для населения страны. Император не случайно обратил пристальное внимание на солдатских детей, которые при хорошем обучении и воспитании могли составить добротный кадровый резерв русской армии. Принципиальной позицией являлось правило: считать солдатских детей принадлежащими военному ведомству.

Но, важно отметить, что государству нужен был не просто солдат, а специалист в военном деле, по сути, кадровый профессиональный военный, для которого служба в армии была бы не временным периодом жизни, а основным занятием и единственной сферой деятельности. Для всего этого необходимо было создать систему обучения таких военных профессионалов в специальных школах или военных подразделениях. Такие школы активно развивались и давали вооруженным силам грамотных солдат, владеющих различными необходимыми ремеслами и военными специальностями. Из таких воинов выходили и прекрасные унтер-офицеры, которые могли играть выдающуюся роль как

в мирное время, так и в периоды военных кампаний.

Уже 3 декабря 1826 г. основная масса имевшихся в Российской империи военно-сиротских отделений была переименована в батальоны, полубатальоны и роты военных кантонистов. Так, Ярославское отделение стало Ярославским батальоном, Новгородское отделение – Новгородским полубатальоном и пр.³

Обучение кантонистов в этих подразделениях включало в себя изучение и умение читать, писать, знать арифметику, рисовать, чертить геометрические фигуры. Большинство населения России не владело такими навыками, и выпускники батальонов имели хорошую репутацию и авторитет у сослуживцев и среди социального окружения в местах расквартирования войск. Кроме того, проводились занятия по всему комплексу строевой подготовки (стойке, выправке, маршировке без оружия), а также обучение военно-прикладным ремеслам.

Реформирование системы подготовки к службе в русской армии военных кантонистов приводило к «оптимизации» управления подразделениями. В стране было создано пять учебных бригад. К примеру, в III бригаду входили два батальона в Ярославле, полубатальон в Архангельске, один батальон в Воронеже. В 1827 г. прежнее Тамбовское отделение расформировывалось и 580 его воспитанников переводились в Оренбург в VI учебную бригаду⁴. Примечательно, что такие учебные батальоны развертывались, прежде всего, в местах, где имелось много солдатских детей, которые и становились воспитанниками этих подразделений.

Николай I понимал, что все же для подготовки унтер-офицеров были нужны другие специальные подразделения, которыми и стали учебные карабинерские полки, существовавшие еще при Александре I. Единственный к началу правления Николая I 1-й учебный карабинерный полк получил название Первого и был расквартирован в Санкт-Петербурге, а 2-й учебный карабинерный полк был сформирован в Москве и имел два ба-

тальона по 1000 кантонистов. В 1835 г. в Ярославле был сформирован еще один 3-й учебный карабинерный полк, а 4-й полк находился в Нижнем Новгороде. Эти четыре учебных карабинерных полка и составляли основу подготовки для армии унтер-офицеров и других военных специалистов.

В 1836 г. было принято решение о преобразовании Воронежского батальона военных кантонистов для подготовки фейерверкеров и унтер-офицеров⁵. Выпускники Воронежского батальона предназначались для снабжения полков 3-го резервного кавалерийского корпуса унтер-офицерами, а артиллерии этого же корпуса – фейерверкерами. Кантонисты, неспособные к строевой службе, оставались в неранжированной роте и по достижению ими 14-летнего возраста обучались ремеслам: портному, сапожному, седельному, столярному, колесничному, ложечному, кузнечному и малярному. После обучения они определялись мастерами в те полки и батареи, где в них была необходимость.

На комплектование Воронежских батальонов поступали все находящиеся на воспитании при родителях и воспитателях в Воронежской и Курской губерниях кантонисты, в том числе оставленные при родителях до 20-летнего возраста.

Весьма примечательно, что для подготовки учителей для военно-учебных заведений еще в 1827 г. был сформирован при Петербургском батальоне военно-учительский институт. Туда направлялись наиболее способные, прилежные и дисциплинированные кантонисты в возрасте от 14 до 16 лет из всех батальонов и полубатальонов военных кантонистов. Задачей института была подготовка учителей российской и немецкой словесности, географии, истории, арифметики, алгебры, химии, механики, рисования, архитектуры и военно-уголовного права. Успешно освоившие курс и сдавшие экзамены выпускники института производились в прапорщики, с выдачей 500 рублей на обмундирование. После двухлетней стажировки в своем институте эти получившие офицерский чин выпускники направлялись в различные военно-учебные учреждения при батальонах кантонистов. Таким образом, для

³ Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. II. Спб., 1907. С. 214.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 11. № 9. С. 960.

способных, усердных и талантливых выпускников открывались возможности карьерного роста, и была прекрасная возможность проявить себя в новом качестве⁶. Более того, учителей за усердную и ревностную службу полагалось производить в чины каждые 5 лет, а срок обязательной их службы и преподавания составлял 15 лет, после которого они могли продолжать служить или выбрать себе другой род службы.

Также был открыт в 1828 г. учебный кавалерийский эскадрон, в котором готовили преподавателей для подготовки военных кантонистов к кавалерийской службе⁷. В 1832 г. начала функционировать при Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов специальная аудиторская школа на 100 кантонистов⁸. В эту школу спустя несколько лет стали проситься и дети дворян и обер-офицеров, которых, однако, не должно было быть более 40 % от числа воспитанников. Это демонстрирует привлекательность и перспективность такого образования. Впрочем, детей дворян и обер-офицеров надлежало все же обучать и воспитывать отдельно от кантонистов⁹.

В 1835 г. при том же Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов была учреждена и специальная школа для писарей из кантонистов, в которую также со всей страны собирались наиболее способные 150 кантонистов в возрасте от 14 до 16 лет. При выпуске из школы кантонисты производились в младшие писаря унтер-офицерского звания и, прослужившие 20 лет, получали офицерский чин 12 класса¹⁰.

С 1836 г. при том же батальоне в топографической полуроте были учреждены словорезное и граверное отделения, которые готовили топографов для военно-топографического бюро. Со всей России собирались

лучшие чертежники, каллиграфы, в том числе и кантонисты, отличавшиеся особыми дарованиями в рисовании, черчении, чистописании¹¹.

Примечательно, что карабинерные полки являлись как бы второй ступенью военного обучения и образования для военных кантонистов. Туда набирались наиболее прилежные и грамотные воспитанники военно-сиротских отделений и учебных батальонов при достижении ими 15-летнего возраста. Затем они готовились к службе и по достижении возраста 18 лет переводились в другой батальон на 4 года уже для непосредственной подготовки фельдфебелей и унтер-офицеров. В карабинерном полку имелись также специальные роты для выпуска в армию музыкантов, барабанщиков и флейщиков.

Выпуск совершался один раз в году и состоял из 120 унтер-офицеров отличного поведения не моложе возраста 22-х лет. Таким образом, фактически выпускники учебных карабинерных полков получали специальное военное образование и служили очень качественным и добротным пополнением русской армии. Они соответствовали по своей подготовке военным стандартам лучших европейских армий и несли в войска свои знания, опыт, умения и сформированную дисциплинированность, ответственность и другие полезные качества настоящего профессионального военного.

В целом, кантонисты, как резерв вооруженных сил Российской империи, сосредотачивались в трех главных местах: 1) среди гражданского населения, то есть у родителей или воспитателей в «родных» губерниях; 2) в батальонах военных кантонистов и в других военно-учебных заведениях; 3) непосредственно в войсках.

Впрочем, в батальоны военных кантонистов могли быть направлены и малолетние дети мужского пола, находящиеся в приказах общественного призрения, по достижении ими семилетнего возраста. Конечно, дети, получившие нередко большой опыт бродяжничества, криминальных наклонностей, все же получали шанс изменить свою жизнь и попытаться обрести иное будущее уже в рядах русской армии. В известной степени направление таких детей сначала в приказы

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. № 1. С. 366.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. № 2. С. 109.

⁸ Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. II. Спб., 1907. С. 265.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. № 5. С. 109.

¹⁰ Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. II. Спб., 1907. С. 266.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 21. № 20. С. 218.

общественного призрения, а потом в школы кантонистов или напрямую в войска спасало им жизни, давало возможность служить Отечеству и получать государственное обеспечение, положенное всем военным кантонистам.

Впервые солдатские дети-сироты, не имевшие родных, называвшиеся «малолетние нищие и бродяги» или «нищенские дети», стали заполнять улицы городов с момента зарождения регулярной русской армии в начале XVIII века. Это вызывало большую озабоченность центральных и провинциальных властей. По оценкам С.В. Бахрушина, в XVIII веке большая часть таких солдатских детей-сирот, бродивших по стране, должна была направляться в монастыри и на фабрики, реализуя замысел Петра I, что все жители должны приносить пользу государству. При Екатерине II в губерниях были созданы Приказы общественного призрения, обязанные заниматься призрением незаконнорожденных, к которым, прежде всего, относились солдатские дети.

Проведенный анализ состава нищих детей и подростков в Москве показал, что если мальчиков подбирали на улице и отправляли в школу кантонистов, то девочки, солдатские дочери, так и оставались на улице, пополняя собой ряды нищенствующих. В этом случае вполне очевидно и четко проявлялась общая гендерная сегрегация и отношение к солдатским детям. Девочки во все времена имели в Российской империи меньшую ценность для государственных нужд. Они не служили в армии и не платили налоги, а значит, и заботиться о них и беречь их как «государственное имущество» было некому. В этом смысле кантонисты являлись как бы крепостными и находились под жестким контролем государственных институтов. Для чиновников не важно было сословное происхождение беспризорных детей, так как все они подлежали неукоснительному направлению в учебные карабинерные полки. Так, в апреле 1845 г. туда были направлены Никита и Михаил, которые являлись сыновьями отставного губернского секретаря Волкова [23, с. 18].

Чтобы оценить масштабы детского сиротства среди кантонистов, достаточно привести выдержку из отчета военного министерства за 1836 г., когда всего на 1 января состояло на учете 27299 кантонистов, кото-

рые или были круглыми сиротами, или их родители не в состоянии были их содержать¹².

В Москве, наряду с крестьянками, видное место среди нищенствующих занимали солдатки. Эти женщины «в молодости отчуждались от семейств и под старость не имели другого способа существования, кроме нищенства». Они составляли крупный процент среди московских нищих. Так, в 1847 г. их было 523 из 3593 женщин-попрошаек. С собой такие женщины «волочили своих детей, парий тогдашнего общества». Не случайно солдатские дети составляли самый крупный процент из беспризорных нищенствующих детей. В 1859 г. их было 79, в 1868 г. – уже 122. Аналогичная тенденция сохранялась и в 70-е гг. XIX века: от 51 до 75 человек. Лишь после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. число солдатских среди беспризорников стало падать. В 1880–1885 гг. их насчитывалось 46 человек, в 1886 г. – 35 человек, 1887 г. – 16 человек, в 1888–1902 гг. – 1–2 человека, а в 1896 г. этот разряд детей уже перестал упоминаться.

Впрочем, и правительство и губернское начальство вполне осознавали невозможность точного учета солдатских детей на местах. На заседании Тамбовского губернского статистического комитета в мае 1867 г. констатировалось, что цифры о числе солдатских жен и дочерей, «солдатских детей, называемых прежде кантонистами, не представляют никакого соответствия, по сравнению одного уезда с другим...»¹³. Солдатских детей по Борисоглебскому уезду насчитали около 2000, по Тамбовскому уезду – около 300, а по Козловскому и Темниковскому уездам солдатские дети совсем не значились, что свидетельствует лишь о недостатках статистического учета.

Подводя общие итоги проведенного научного исследования заявленной научной проблемы, следует заметить, что за 25 лет николаевского царствования в войска поступило 231455 кантонистов и солдатских сыновей. Таким образом, русская армия полу-

¹² Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. II. Спб., 1907. С. 271.

¹³ Протокол заседания Тамбовского губернского статистического комитета. 22 мая 1867 г. Тамбов, 1867. С. 6.

чила хорошее и стабильное пополнение, а население получило некоторое послабление при проведении рекрутских наборов.

Одним из наиболее значительных событий и явлений организации призыва солдатских детей на службу в армию было решение 1835 г., по которому кантонисты могли жить у родственников до 20-летнего возраста, а потом сразу поступали в войска, минуя школы при батальонах для кантонистов. Такие новобранцы получили название «рекруты из солдатских детей». Именно тогда в отчете Инспекторского департамента и был упомянут этот новый разряд потомком солдатского сословия. Правительство вполне осознанно считало, что эти рекруты из солдатских детей принадлежали военной службе по своему происхождению и состоянию, так как у них не было возможности интегрироваться при рождении в другое сословие и отсутствовали навыки занятия земледелием или другой гражданской, «невоенной деятельностью».

Впрочем, матери-солдатки принимали все возможные и невозможные усилия и старания, чтобы спасти своих «кровиночек» от неизбежного призыва в ряды русской армии [20]. В монографии П.П. Щербинина подробно раскрыты мотивы и практика укрывательства солдатских детей российскими солдатками [1]. Несмотря на то, что санкции за укрывательство солдатских детей приравнивались к наказанию за дезертирство, и налагались огромные штрафы, правительство вполне понимало, что установленные штрафы были непосильными для населения. Действительно, штраф по 25 руб. в месяц за каждого «передержанного» кантониста или необъявленного солдатского сына накапливался, и правительство, в итоге, должно было слагать эти невзысканные суммы. Так, Воронежское губернское правление просило «списать» штраф с одного из уездов губернии, который составил уже 64000 руб.¹⁴ Ис-

¹⁴ Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. II. Спб., 1907. С. 312.

ходя из сложившейся ситуации, Государственный совет положил установить единовременный штраф в размере 100 руб. для родителей и воспитателей необъявленного солдатского сына, которые должны были быть подвергнуты также телесному наказанию за укрывательство дезертира. Штраф в 2000 руб. был установлен для помещиков, которые бы были изобличены в укрывательстве солдатского сына¹⁵.

И все же население сопротивлялось и продолжало укрывать солдатских детей, так что в Манифесте от 16 апреля 1841 г. по случаю бракосочетания наследника престола было указано простить недоимку населения по статье за укрывательство в размере 1210106 руб. серебром¹⁶.

Можно ли оценить результаты привлечения в армию военных кантонистов и рекрутов из солдатских детей? Такие данные имеются и показывают значение данного способа пополнения рядов русской армии¹⁷. К 1 января 1855 г. данный ресурс составил 366302 человека. Впрочем, надо иметь в виду, что преобладающими были все же группы солдатских детей, находившихся на воспитании у родственников по месту жительства. Как отмечали сами представители Военного министерства, «кантонисты представляли собой фасад русской армии»¹⁸. Всего за рассматриваемый период в русскую армию поступило 126101 кантонист и 101887 рекрутов из солдатских детей. В этом смысле поставленные задачи подготовки профессионального резерва русской армии были успешно реализованы.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 13. №11. С. 745.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 14. № 14. С. 463.

¹⁷ Статистические таблицы Российской империи, изданные по распоряжению МВД Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 г. Спб., 1863. 329 с.

¹⁸ Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. II. Спб., 1907. С. 327.

Список литературы

1. *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. 508 с.
2. *Менделевич Й.* Кантонисты. М.: ООО «Столичная пресса», 2015.
3. *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003. 555 с.

4. Комплектование и устройство Вооруженной силы. Ч. 1. Комплектование армии / сост. А. Редигер. Спб., 1913.
5. *Фадеев Р.* Вооруженные силы России. М., 1868.
6. *Богданович М.И.* Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.): в 6 т. Спб., 1879. Т. 2.
7. *Заусцинский П.* Кодификация русского военного законодательства в связи с историей развития русского войска до реформ XIX в. Спб., 1909.
8. *Филимонов Н.Г.* Постепенное развитие мероприятий по мобилизации русской кадровой армии в XIX столетии. Спб., 1908.
9. *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870-х гг. в России. М., 1947.
10. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.
11. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.
12. *Федоров А.В.* Русская армия в 50–70-х годах XIX в.: очерки. Л., 1959.
13. *Ячменихин В.К.* Институт военных кантонистов в структуре русской армии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2000. № 1. С. 55-68.
14. *Ячменихин К.М.* Военные поселения в России (История социально-экономического эксперимента). Уфа, 1994. 298 с.
15. *Щербинин П.П.* Социально-правовое положение солдатских детей в России в XIX в. // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: сб. тр. Междунар. заочной науч. конф. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. С. 114-120.
16. *Wirtschaftler E.K.* Soldiers Children, 1719–1856: A study of social engineering in imperial Russia // Forschungen zur osteuropäische Geschichte. 1982. № 30.
17. *Lohr E., Poe M.* The Military and Society in Russia 1450–1917. Boston, 2002.
18. *Bevrau D.* Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Cologne, 1984. 504 p.
19. *Keep J.L.H.* Soldiering in Tsarist Russia // USAFA Harmon Memorial Lecture. 1986. № 29.
20. *Щербинин П.П.* Социально-правовой и повседневно-бытовой статус солдатских детей в XVIII–XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 7 (135). С. 161-167.
21. Статистическое обозрение Российской империи / сост. В. де Ливрон. Спб., 1874.
22. *Никитин В.* Многострадальные. Очерки быта кантонистов // Отечественные записки. 1871. № 8.
23. *Бахрушин С.В.* Малолетние нищие и бродяги в Москве (исторический очерк). М.: Городская типография, 1913. 51 с.

References

1. Shcherbinin P.P. *Voyenny faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [The Military Factor in Daily Life of a Russian Woman in 18th – Early of 20th Centuries]. Tambov, 2004, 508 p. (In Russian).
2. Mendeleevich Y. *Kantonisty* [Cantonists]. Moscow, LLC Stolichnaya pressa Publ., 2015. (In Russian).
3. Petrovskiy-Shtern Y. *Evrei v russkoy armii: 1827–1914* [Jews in Russian Army: 1827–1914]. Moscow, 2003, 555 p. (In Russian).
4. Rediger A. (compiler) *Komplektovaniye i ustroystvo Vooruzhennoy sily. Ch. 1. (Komplektovaniye armii)* [Recruitment and Arrangement of Armed Forces. Part 1. (Army Recruitment)]. St. Petersburg, 1913. (In Russian).
5. Fadeyev R. *Vooruzhennyye sily Rossii* [Russian Armed Forces]. Moscow, 1868. (In Russian).
6. Bogdanovich M.I. *Istoricheskiy ocherk deyatel'nosti voyennogo upravleniya v Rossii v pervoye dvadtsatipyatiletie blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolayevicha. 1855–1880 gg.* [Historical Essay on the Military Administration Activities in the First Twenty-Five Years of a Successful Reign of the Emperor Alexander II. 1855–1880]. St. Petersburg, 1879, vol. 2. (In Russian).
7. Zaustsinskiy P. *Kodifikatsiya russkogo voyennogo zakonodatel'stva v svyazi s istoriyey razvitiya russkogo voyska do reform XIX v.* [Codification of Russian Military Legislation in Connection with the History of the Russian Army Development before the 19th Century reforms]. St. Petersburg, 1909. (In Russian).
8. Filimonov N.G. *Postepennoye razvitiye meropriyatiy po mobilizatsii russkoy kadrovoy armii v XIX stoletii* [The Gradual Development of Measures for the Mobilization of Russian Army in 19th Century]. St. Petersburg, 1908. (In Russian).
9. Zayonchkovskiy P.A. *Voyennyye reformy 1860–1870-kh gg. v Rossii* [Military Reforms of the 1860–1870s in Russia]. Moscow, 1947. (In Russian).

10. Beskrovnyy L.G. *Russkaya armiya i flot v XVIII v.* [Russian Army and Navy in 18th Century]. Moscow, 1958. (In Russian).
11. Beskrovnyy L.G. *Russkaya armiya i flot v XIX v.* [Russian Army and Navy in 19th Century]. Moscow, 1973. (In Russian).
12. Fedorov A.V. *Russkaya armiya v 50–70-kh godakh XIX v.: ocherki.* [Russian Army in 50–70s of the 19th Century: Essays]. Leningrad, 1959. (In Russian).
13. Yachmenikhin V.K. Institut voyennykh kantonistov v strukture russkoy armii [Military cantonists institution in the Russian army structure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya – Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: History*, 2000, no. 1, pp. 55-68. (In Russian).
14. Yachmenikhin K.M. *Voyennyye poseleniya v Rossii (Istoriya sotsial'no-ekonomicheskogo eksperimenta)* [Military Settlements in Russia (History of Social and Economic Experiment)]. Ufa, 1994, 298 p. (In Russian).
15. Shcherbinin P.P. Sotsial'no-pravovoye polozheniye soldatskikh detey v Rossii v XIX v. [Social and legal status of soldiers' children in Russia in the 19th century]. *Sbornik trudov Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii «Armiya i obshchestvo v Rossiyskoy istorii XVIII–XX vv.»* [Proceeding of the International Correspondence Scientific Conference: “Army and Society in Russian History of 18–19th Centuries”]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2007, pp. 114-120. (In Russian).
16. Wirtschafter E.K. Soldiers Children, 1719–1856: A study of social engineering in imperial Russia. *Forschungen zur osteuropaische Geschichte*, 1982, no. 30.
17. Lohr E., Poe M. *The Military and Society in Russia 1450–1917*. Boston, 2002.
18. Beyrau D. *Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland*. Cologne, 1984, 504 p. (In German).
19. Keep J.L.H. Soldiering in Tsarist Russia. *USAF A Harmon Memorial Lecture*, 1986, no. 29.
20. Shcherbinin P.P. Sotsial'no-pravovoy i povsednevno-bytovoy status soldatskikh detey v XVIII–XIX vv. [Social, legal and everyday household status of soldiers' children in 18–19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 7 (135), pp. 161-167. (In Russian).
21. Livron de V. (compiler). *Statisticheskoye obozreniye Rossiyskoy imperii* [Russian Empire Statistical Overview]. St. Petersburg, 1874. (In Russian).
22. Nikitin V. *Mnogostradal'nyye. Ocherki byta kantonistov* [Long-suffering. Essays on everyday life of cantonists]. *Otechestvennyye zapiski* [Patriotic Notes], 1871, no. 8. (In Russian).
23. Bakhrushin S.V. *Maloletniye nishchiye i brodyagi v Moskve (istoricheskiy ocherk)* [Young Beggars and Hobos in Moscow (Historical Essay)]. Moscow, Gorodskaya tipografiya Publ., 1913, 51 p.

Информация об авторе

Невзоров Евгений Юрьевич, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Вклад в статью: концепция исследования, обработка архивных источников, анализ документов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>

Поступила в редакцию 07.02.2019 г.

Поступила после рецензирования 06.03.2019 г.

Принята к публикации 08.04.2019 г.

Information about the author

Evgeniy Y. Nevzorov, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Contribution: study conception, archival sources processing, documents analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>

Received 7 February 2019

Reviewed 6 March 2019

Accepted for press 8 April 2019